

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д. Н. Белянин

**СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 1920 - 1980 гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОЦЕНОК**

В течение почти всего периода существования СССР государство и партия оказывали заметное давление на историческую науку. Это давление выражалось отчасти в навязывании мифов и стереотипных оценок, политически ангажированных идеологическими структурами ЦК КПСС. В отдельные периоды государство в качестве инструмента давления на науку использовало репрессивный аппарат. Так, по данным С. А. Красильникова, в ходе сфальсифицированного «Академического дела» арестам, заключению и ссылкам с конца 1929 г. подверглись виднейшие ученые страны. Одним из самых известных историков, репрессированных в этот период, стал академик Н. Н. Покровский, находившийся в тюрьме, а затем в лагере с 1957 по 1963 г. У целой группы ученых были репрессированы родители [1].

Давление государства на историческую науку привело к появлению «белых пятен», а также к нарушению принципа объективности при изучении многих проблемных вопросов. Одним из таких вопросов стала оценка результатов Столыпинской аграрной реформы. В течение длительного периода времени в XX в. в отечественной исторической науке доминировали негативные оценки Столыпинской аграрной реформы. Такой подход стал складываться в советской историографии уже в 20-40-х гг. Если в начале 1920-х гг. в некоторых работах встречались положительные оценки [2], то с середины 1920-х гг. в литературе прочно формируется негативная оценка Столыпинских преобразований. В работе С. М. Дубровского уже в 1925 г. четко обозначаются некоторые стереотипы в оценках Столыпинской аграрной реформы. Так, автор попытался доказать принудительный характер перевода крестьян от общины к хуторам. Между тем, это утверждение противоречит другим данным приведенным в его монографии. Например, в работе С. М. Дубровского есть отдельный раздел, посвященный предпосылкам разложения общины, немного ранее по тексту автор обозначил индикаторы разложения общинных отношений во второй половине XIX в.: прекращение переделов внутри общины и частые семейные разделы. Далее С. М. Дубровский обозначил целые районы страны, где общинные отношения были слабыми, а кое-где было налицо движение самих крестьян к выходу из общины [3, с.14, 62, 72-73, 98-105]. В числе других трудов данного периода следует выделить монографии, Г. В. Баррандова [4], П. Н. Ефремова [5] и Н. И. Карпова [6]. Именно в работах этих авторов впервые в отечественной историографии была обозначена оцен-

ка Столыпинских реформ как «антикрестьянских», которые «потерпели крах». Например, в работе П. Н. Ефремова одним из итогов Столыпинской переселенческой политики названо массовое разорение и гибель сотен тысяч крестьян-переселенцев [5, с.77]. В некорректной форме оценил итоги Столыпинских переселений в Сибирь Г. В. Баррандов, написавший, что из переселенческой истории вышел «один плохой скверный анекдот» [4, с.23]. Сама аграрная реформа воспринималась как политика ограбления общины и бедняков в интересах небольшого слоя кулачества. Очевидной слабостью данных трудов было отсутствие в них архивного материала, авторы оперировали в основном опубликованными источниками. На оценку Столыпинской аграрной реформы этими авторами огромное влияние оказали труды В. И. Ленина, мнение которого уже в этот период стало неоспоримым в исторической науке. Иные оценки, альтернативные ленинским, могли расцениваться как «идеологическая диверсия», что в условиях тоталитарного государства было равнозначно преступлению. Поэтому из чисто научного вопрос об итогах Столыпинской реформы превратился в идеологический и политический. Соответственно попытка усомниться в «провале» Столыпинской аграрной реформы могла превратить историка в «извращающего историю фальсификатора».

Заметим, что ленинская оценка Столыпинской аграрной реформы отличалась явной политической тенденциозностью, не имевшей ничего общего с принципом объективности, которым должен руководствоваться каждый историк. Кроме того, в трудах В. И. Ленина можно заметить явные противоречия в оценках Столыпинской реформы. Так, основными направлениями Столыпинских аграрных преобразований были отказ от поддержки общины и развитие единоличных крестьянских хозяйств, а также поощрение массовых переселений крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. В. И. Ленин также неоднократно в своих трудах подчеркивал необходимость разрушения общины, которую он считал пережитком феодализма. Не высказывал В. И. Ленин никаких принципиальных возражений и против переселений крестьян в Сибирь. Несмотря на это в ленинской оценке Столыпинских реформ часто фигурировали термины «антикрестьянская», «крах», «провал» и т.п. [7]. Еще одним «источником», которым часто пользовались историки, доказывающие «крах» Столыпинских реформ, была тенденциозная брошюра бывшего красноярского переселенческого чинов-

ника А. И. Комарова, где автор в резкой форме критиковал постановку переселенческого дела и систему устройства новоселов в Сибири. Именно в этой книге впервые были обозначены многие недостатки Столыпинской переселенческой политики, ставшие в дальнейшем основой доказательной базы тезиса о «крахе» переселенческой политики правительства П. А. Столыпина [8]. Заметим, что практически сразу же А. И. Комаров был обвинен в тенденциозности, предвзятости, а его книга подверглась резкой критике. Так, в том же 1913 году вышла книга И. К. Ковригина, представлявшая, по сути, опровержение всего, что написал А. И. Комаров [9].

На этапе 1950-х – 1980-х гг. ленинская оценка «антикрестьянского» характера Столыпинской реформы и ее последующего «краха» была развита и усилена в десятках монографий и диссертаций, сотнях научных статей, тезисах и докладах конференций различного уровня. В этот период историческая наука полностью подчиняется идеологическому диктату КПСС. Четко определяются политические и идеологические установки, согласно которым усилия ученых должны были быть подчинены, прежде всего, решению задач, поставленных партийными съездами и Программой КПСС [10, с.348, 350]. В это непростое для исторической науки время идеологически заданный вектор исторического исследования априори исключал объективное изучение проблемы. Целями исследований Столыпинской реформы являлись доказательство ее «антикрестьянского» характера и последующего «краха» всех мероприятий аграрного курса П. А. Столыпина. Например, А. В. Шапкарин своей целью в диссертации прямо обозначил «показать крушение столыпинской аграрной политики» [11, с.1]. Типичная оценка Столыпинских переселений, например, была дана в работе М. С. Алферова. Он, ссылаясь на статьи в газете «Правда» (основной печатный орган партии большевиков) и статьи В. И. Ленина, описал переселение крестьян в Сибирь в 1906-1914 гг. следующими словами: «Смертность ужасная... кто мог, бежал, а остальные вымирают» [12, с.11]. Эта точка зрения настолько утвердилась в отечественной исторической науке, что отдельные авторы вообще не считали нужным делать какие-либо ссылки, когда писали о провале Столыпинской реформы. Так, С. И. Антонова без единой сноски писала: «Битым оказался и второй «козырь» столыпинской аграрной политики – переселение крестьян, при помощи которого правительство рассчитывало разрядить малоземелье в Центральной России» [13, с.44].

Наряду с такими работами, появляются труды, в которых исследователи стремятся расширить доказательную базу, обосновать на основе широкого круга источников тезис о «провале» Столыпинской аграрной реформы. В первую очередь следует отметить несколько диссертаций, защи-

щенных в 1950-х – 1980-х гг. Так, на данном этапе защитили диссертации А. М. Гребнев [14], З. П. Есенина [15], А. В. Минжуренко [16], Е. И. Соловьева [17]. В этих исследованиях делается попытка усилить тезис об «антикрестьянском» характере реформы. Например, в исследовании Е. И. Соловьевой была подвергнута резкой критике деятельность правительственных структур в период Столыпинской аграрной реформы. Переселенческую политику автор охарактеризовала как проводимую в «узкоклассовых интересах», реакционную и грабительскую, а переселенческие чиновники названы абсолютно безразличными к судьбам будущих переселенцев. Процесс обустройства переселенцев в Сибири Е. И. Соловьева охарактеризовала как «чудовищную картину разорения и переселенцев, и старожилов, намеренно созданной стараниями царизма» [18, с.52, 76-80, 125, 249]. Одной из задач переселенческой политики Е. И. Соловьева обозначила создание на окраинах «крепких» кулацких хозяйств – опоры самодержавия в деревне. При этом готовившееся законодательство для решения этой задачи было охарактеризовано как «возможность кулацким элементам захватывать лучшие общинные земли». Средством решения этой задачи стало внутринадельное размежевание, на это «царизм не жалел средств» и «ежегодно отпускал огромные суммы» [17, с.4-5]. Тезис о том, что «царизм не жалел средств» на внутринадельное размежевание не подтверждается источниковой базой. Выделяемых средств даже по отдельно взятой Томской губернии было меньше, чем требовалось. Так, по нашим данным в 1909 г. требовалось на нужды внутринадельного размежевания только в Томской губернии 105 000 руб., а государство выделило лишь 75 000, в 1910 г. требовалось 121 000 руб., а было выделено 75 000. В результате только за два года разница между необходимыми и выделяемыми средствами по одной только Томской губернии составила 76 000 руб. [19, с.41].

Противоречиво утверждение Е. И. Соловьевой об итогах образования единоличных хозяйств в период Столыпинских реформ: курс царизма в насаждении на окраинах «крепкого мужика» потерпел полный провал, так как царизму удалось создать лишь ничтожное число действительно крепких кулацких хозяйств хуторского типа, но одновременно автор пишет, что экономическое положение кулацкой верхушки в деревне укрепились [18, с.195-196].

Экономическое положение переселенцев в Сибири автор охарактеризовала как «нищенское», далее же в эмоциональном стиле описала массовый голод, эпидемии тифа и цинги и вымирание переселенцев, добавив, что правительство прилагало все усилия для того, чтобы скрыть об этом правду [18, с.139-141]. Уязвимым местом данного утверждения является отсутствие сильной доказательной базы. Факты болезней и голодовок среди

переселенцев в основном были взяты Е. И. Соловьевой из периодических изданий, оппозиционных газет или трудов В. И. Ленина. Эти «источники» страдают ненадежностью, в газетах вообще печаталась непроверенная, часто неточная информация; труды же В. И. Ленина, как и оппозиционные издания, политизированы, изобилуют огульной критикой в адрес любых действий правительства. Проверка утверждения о массовых болезнях и массовой смертности переселенцев в Сибири в период Столыпинских переселений на архивных источниках дает отрицательный результат. Так, выдающийся исследователь-аграрник В. Г. Тюкавкин на основании многолетней работы в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и архивах всех сибирских областей и краевых центров, на основании изучения архивных многих фондов сделал авторитетное заключение, что «никаких данных о якобы тысячах погибших от голода и эпидемий нет» [20, с.245]. Наш личный опыт работы с архивным материалом намного скромнее, чем у В. Г. Тюкавкина, тем не менее, мы разделяем мнение этого исследователя об отсутствии данных о массовой смертности и эпидемиях среди переселенцев. Этот вывод мы делаем на основе более чем десятилетней работы в таких архивах как КГУ ГААК (Краевое государственное учреждение Государственный архив Алтайского края), ГАТО (Государственный архив Томской области), ГАОО (Государственный архив Омской области), ГАКО (Государственный архив Кемеровской области), ГУТО ГАТО (Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области), РГИА и ГУТО ГАТ (Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске).

Значимым событием в отечественной историографии стала публикация монографий В. А. Степынина и С. М. Дубровского. Работа В. А. Степынина была ограничена территориальными рамками Енисейской губернии [21], тогда как монография С. М. Дубровского по объему архивного материала вполне может быть охарактеризована как капитальная. Несмотря на это, в работе явное несоответствие между выводами и фактическим материалом. Так, в выводах С. М. Дубровский писал, что «нарастание революционной борьбы в деревне все быстрее и быстрее приближали столыпинское правительство и весь старый режим в России к гибели под ударами революции», а «роль крестьянства в ней не только не уменьшилась, но еще более возросла». Ранее же С. М. Дубровский, анализируя статистику крестьянских выступлений в 1910-1914 гг., отметил, что охват движением губерний определялся всего-навсего единицами крестьянских выступлений – не более четырех выступлений на губернию. Чтобы как-то сгладить возникшее противоречие С. М. Дубровский выдвинул тезис, что учет массового движения кре-

стьян был явно недостаточен [22, с.525, 568]. Важным, на наш взгляд, было признание С. М. Дубровским наличия предпосылок Столыпинской реформы. Так, С. М. Дубровский прямо отметил, что законодательное уничтожение общины было подготовлено предшествующим ходом исторического развития, разложение общины во второй половине XIX в. шло быстрым темпом, что выразилось в сокращении и прекращении земельных переделов, но постепенному экономическому разрушению общины не соответствовало ее юридическое разрушение. Иными словами, во второй половине XIX в. де-факто общинные отношения разлагались, но де-юре государство по-прежнему охраняло общину. Далее С. М. Дубровский справедливо связал начало Столыпинской реформы с работой Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. [22, с.65, 72].

В стремлении доказать «антикрестьянский» характер Столыпинской реформы С. М. Дубровский даже документы, свидетельствующие об обратном, попытался истолковать в нужном для заданных выводов контексте. Так, автор привел выдержку из отношения директора Департамента государственных земельных имуществ Риттиха смоленскому губернатору 5 декабря 1911 г., где Риттих рекомендовал выполнять выделы из общины «при соблюдении справедливых интересов общества на тех условиях, на которые будут согласны сами выделяющиеся». Комментируя этот документ, С. М. Дубровский пишет, что «директива была достаточно определенной», а фраза о «соблюдении справедливых интересов общества» не требует дополнительных комментариев для тех, кто сколько-нибудь знаком с бюрократическим жаргоном. Далее автор добавил, что «на деле интересы общества грубо нарушались» [22, с.177]. Хотелось бы заметить, что в данном примере очевидно желание исказить смысл документа, «подогнать» его под «нужные» выводы. Документ не предназначался для публикации, сам С. М. Дубровский охарактеризовал это отношение как «совершенно доверительное». Поэтому, представляется довольно сомнительным, что Риттих в этом документе попытался писать одно, подразумевая совершенно противоположное.

В монографии С. М. Дубровского в целом обозначились все основные стереотипы оценок Столыпинской аграрной реформы, характерные для советской историографии:

1. Реформа проводилась под давлением администрации. Земские начальники (автор назвал их «земские насильники») были главными инициаторами выделов крестьян из общины.

2. Община уничтожалась в пользу «кучки богатеев». При выходе из общин на хутора и отруба за небольшим исключением выделялись более зажиточные крестьяне с целью удержания или захвата большого количества общинной земли.

3. Количественные результаты выхода из общины были незначительными. В ходе землеустройства за 10 лет было разверстано на хутора и отруба только 10% общего количества крестьянских хозяйств. Объективная значимость этих 10% хуторов и отрубов была невелика.

4. Переселение крестьян было плохо организовано, людей везли как скот, питание в пути и по прибытии на место было безобразным, среди переселенцев были эпидемии, большая заболеваемость и смертность.

5. Переселенческая политика правительства П. А. Столыпина потерпела крах. Государство оказалось неспособно сколько-нибудь удовлетворительно устроить переселенцев, поэтому был большой процент возвращавшихся обратно [22, с.169, 194, 219, 305, 399, 401].

В последующей работе С. М. Дубровский повторил эти оценки Столыпинской аграрной реформы. Правда, некоторые приведенные автором данные противоречили сделанным выводам. Например, по данным С. М. Дубровского, из общины вышло 22% крестьян, но укрепили они за собой лишь 14% общинной земли [23, с.191], т.е. после выхода из общины крестьяне владели земельным наделом меньшим, чем в общине. Эти данные входят в явное противоречие с утверждением об «ограблении общины кучкой богатеев».

Несмотря на приведенную С. М. Дубровским статистику о незначительности крестьянских выступлений в годы Столыпинских реформ, некоторые историки выдвинули тезис об «упорном сопротивлении бедняцко-средняцких масс крестьянства» проведению Столыпинской аграрной реформы. Именно такую точку зрения обозначил известный историк А. М. Анфимов. Автор констатировал бесперспективность реформы, так как, по его мнению, Столыпинская реформа была бессильна внести сколько-нибудь заметные изменения в крестьянское землепользование. В его монографии однозначно отрицательную оценку получила и политика Столыпинских переселений. Политику правительства А. М. Анфимов охарактеризовал как «ограбление переселенцев», а большая часть переселенцев, по его мнению, бросала отведенные участки, разбредаясь по Сибири в поисках заработка или возвращаясь обратно в Европейскую Россию. Вывод автора о «явном провале переселенческой политики правительства» был подкреплен статистикой обратных переселений – в 1910 г. из Сибири вернулось на родину 36% переселенцев, а в 1911 г. – 60% [24, с.43, 71, 74].

Значимое место в отечественной историографии занимает монография Л. Ф. Складорова, посвященная переселенческой и аграрной политике правительства П. А. Столыпина в Сибири. Этот автор крайне избирательно подошел к использованию источниковой базы. Источники, где содержались данные о каких-то успехах правительства в сфере переселенческой политики, были охарак-

теризованы автором как «тенденциозные». Например, статистические сведения об экономическом положении переселенцев в Сибири Л. Ф. Складорова охарактеризовал как «имеющие тенденциозную группировку данных», целью которых было сокрытие важнейших отрицательных показателей. Так, по мнению Л. Ф. Складорова, средние цифры скрывали «обнищание многих новоселов» [25, с.50]. Вообще источниковая база этой монографии амбивалентна. С одной стороны Л. Ф. Складорова в большом объеме использовал материалы центральных архивов ЦГИАЛ и ЦГИАМ, с другой стороны из документов региональных архивов Западной Сибири автором были использованы только документы Государственного архива Томской области. Автор совершенно проигнорировал материал архивов Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Тюменской, Омской и Курганской областей, не были использованы высоко информативные материалы архива в г. Тобольске. К сожалению, некоторые документы, на которые делал ссылки Л. Ф. Складорова, нам вообще обнаружить не удалось. Так, на с.446 Л. Ф. Складорова описывал бедствия «повторных» переселенцев, писал, что им отказывали в дополнительных ссудах, предоставляли плохую землю, чиновники брали с них взятки за новое водворение, а потом вообще сгоняли с участков. Сноска дана на государственный архив Томской области (ГАТО), фонд 240, опись 2, дело 156, листы 161-162. Указанное дело, на которое сослался Л. Ф. Складорова, было нами просмотрено в 2010 г. (с дела была снята фотокопия), но документ, на который сослался Л. Ф. Складорова, нами не был найден – в указанном деле нет листов 161 и 162, так как дело содержит только 14 листов, а документы по своему характеру вообще не соответствуют материалу, который приводит в монографии Л. Ф. Складорова: дело 156 целиком посвящено службе техника по полеводству Ф. Ф. Меринова (личное дело указанного чиновника).

Есть в монографии Л. Ф. Складорова и серьезные противоречия. Так, автор приводит примеры циркуляров и распоряжений правительства и Переселенческого управления, которые были нацелены на снижение потока переселенцев в 1907-1908 гг. Далее же автор пишет, что в 1910 г. число прямых переселенцев в Сибирь сокращается и «с полной ясностью» определяется провал переселенческой политики [25, с.89, 137-139, 459]. Получается, что правительство пыталось снизить численность переселяющихся в Сибирь путем ограничений, а когда эта цель была достигнута, это означало «провал переселенческой политики».

Стремясь доказать провал и неудачу Столыпинской аграрной реформы в Сибири, Л. Ф. Складорова подверг резкой критике практически все действия правительства, направленные на устройство переселенцев. Например, организация перевозки переселенцев в Сибирь охарактеризована автором

как «порочная», даже выпуск справочной литературы в помощь переселенцам и ходокам названа «провокационной пропагандой переселения» [25, с.230, 304]. В разделе монографии, посвященном выдаче переселенцам ссуд, автор больше пишет о том, как эти ссуды не выдавались и как бедняки не могли эффективно использовать положенные им по закону пособия [25, с.351-359]. Заготовленный для переселенцев колонизационный фонд назван Л. Ф. Скляровым как «недостаточный» и выдвинул тезис о размежевании в состав переселенческих участков «массы неудобных земель». Однако как видно из приведенных самим Л. Ф. Скляровым данных, из 1 052 109 душевых долей на участках поселенного пользования, заготовленных на 1 января 1916 г., осталось незанятыми по причине непригодности для заселения 128 298 долей, причем из этой цифры лишь 26 129 долей автор признал «совершенно непригодными» [25, с.233, 249]. Эти цифровые данные фактически противоречат тезису Л. Ф. Склярова о плохом качестве отводимых для переселенцев земель.

В традиционном для советской историографии ключе оценил Л. Ф. Скляров направленность процесса внутринадельного размежевания общинных земель в Сибири. Так, автор писал, что «землеустроительные органы постоянно поддерживали зажиточную часть крестьянства против беднейших однообщинников». Кулаки при выходе из общины получали лучшие пахотные, сенокосные и лесные угодья, а общинникам доставались худшие земли в сокращенных против нормы размерах. Сам процесс внутринадельного размежевания сибирских общин автор назвал «новым походом правительства и правящих классов против сельской общины». Далее автор выдвинул тезис об искусственном стимулировании землеустроителями выхода на хутора и применением мер прямого административного давления. Этот тезис был подкреплён весьма сомнительным примером: переселенцы участка Луговой (Мариинский уезд) после землеустройства 1913-1914 гг. остались при общинном землепользовании, а Томское губернское присутствие отказало им в просьбе прирезать к основному наделу сенокосы из соседнего запасного участка. Далее Л. Ф. Скляров пишет, что такой отказ был «репрессией» за отказ выйти на хутора, а если бы крестьяне согласились перейти к единоличным хозяйствам, «им отвели бы полные сенокосные наделы» [25, с.311, 315]. Последнее утверждение является домыслом автора ни на чем конкретно не основанным, но других доказательств «прямого административного давления на общину» со стороны государства Л. Ф. Скляров предложить не смог. Вывод автора о результатах внутринадельного размежевания в Сибири таков: «Беднота и среднее крестьянство Сибири предпочли столыпинскому землеустройству уравнильно-душевое размежевание при сохранении общинного пользования землей», «трудовая масса сибирского кре-

стьянства противилась столыпинскому землеустройству». В итоге количество созданных в Сибири хуторов и отрубов стало «показателем провала столыпинской аграрной реформы в Сибири». Дозаказательная база вывода: в Азиатской России было создано 71 795 хуторов и отрубов на площади в 2 609 971 десятина [25, с.317, 319, 320].

В абсолютное противоречие с общим выводом о провале Столыпинской аграрной реформы в Сибири входит десятая глава монографии Л. Ф. Склярова и, особенно, первый ее раздел «Крестьянская колонизация и дальнейший рост сельскохозяйственного производства». В этой главе автор отметил рост населения Сибири в связи со Столыпинскими переселениями, что привело к образованию тысяч новых населенных пунктов (с 1898 г. по 1912 г. число новых крестьянских обществ в основных колонизируемых районах увеличилось с 9 214 до 16 320). Другими положительными последствиями массовых переселений были ежегодное расширение посевных площадей за счет запашки новоселов, увеличение потребления сельскохозяйственных машин и орудий, распространение в Сибири новых сельскохозяйственных культур [25, с.468-471, 474, 484]. Изложенный в этой главе материал богато иллюстрирован примерами, статистикой, архивными источниками, имеет солидную доказательную базу, но одновременно резко контрастирует с общим выводом о провале Столыпинской переселенческой политики в Сибири.

Заметим, что труды периода 1950-х – начала 1960-х гг. несли явный отпечаток эпохи хрущевских реформ. Так, авторы многих работ этого времени стремятся проводить параллели между столыпинской аграрной реформой и политикой правительства Н. С. Хрущева в сфере сельского хозяйства. Абсолютизируя негативные аспекты Столыпинских реформ, авторы пытаются доказать успешность мероприятий руководства КПСС в аграрном секторе. Стремление показать «провал» «антинародной» Столыпинской аграрной политики, чиновничий произвол, бедствия крестьян должно было наглядно оттенить все «успехи» правительства Н. С. Хрущева в области сельского хозяйства. Например, в монографии Л. Ф. Склярова автор сначала пишет о недостаточной помощи переселяющимся в Сибирь со стороны правительства, о тяжелом положении переселенцев, их разорениях и возвращении в губернии выхода, что должно было доказывать провал переселенческой политики царизма. Далее Л. Ф. Скляров пишет, что после «исторических пленумов» ЦК КПСС 1953-1954 гг. «по зову партии и правительства» на освоение целинных и залежных земель Сибири и Казахстана двинулись «сотни тысяч советских патриотов», после чего следует описание достижений в сфере освоения целины. При этом Л. Ф. Скляров прямо написал, что «героический трудовой подвиг советского народа... предстанет в еще

большем величии при изучении крестьянской колонизации Сибири в условиях буржуазно-помещичьего строя [25, с.5, 557-560]. Подобные тезисы со всей очевидностью показывают конъюнктурную и идеологическую направленность данных работ, четко виден уровень политизированности исторических трудов.

Значительное место в отечественной историографии Столыпинских реформ занимают работы В. Г. Тюкавкина. В своих ранних работах 1950-х – 1960-х гг. этот автор придерживался традиционных для советской исторической науки взглядов на аграрную реформу П. А. Столыпина. Так, зажиточные крестьяне (кулаки) предстают в его описании как хищники, «мироеды», присваивающие прибавочную стоимость труда батраков и бедняков, пауку-кровопийцы, опутавшие своими сетями всю деревню и загоняющие своих батраков «прямо в гроб жестокой эксплуатацией» [26, с.257]. В таком же традиционном ключе В. Г. Тюкавкиным были описаны бедствия и страдания бедняков переселенцев в Сибири, описывает голод среди переселенцев и батраков. Источники, где показывалась лучшая, чем в губерниях выхода, обеспеченность переселенцев посевами, скотом, имуществом, постройками и т.п., подверг критике, пытаясь доказать, что самые бедные из переселившихся и самовольно переселившиеся (неприписные) «на новом месте окончательно разорились», превратившись в батраков. Далее же по тексту В. Г. Тюкавкин поясняет, что вопрос о батраках и наемных рабочих, их абсолютной численности является очень важным, «так как он вскрывает одну из важнейших предпосылок социалистической революции в деревне, показывает те силы, на которые опирались коммунистическая партия и промышленный пролетариат при проведении Великой Октябрьской социалистической революции» [26, с.163-165, 270-273]. Хотя приведенные автором данные отнюдь не свидетельствуют о большой численности сельского пролетариата (абсолютно разоренных крестьян, живших за счет продажи своей рабочей силы) в сибирской деревне. По данным статистики 1917 г. таковых в Сибири было лишь 8%. Столь малые показатели автор поясняет возможностью батраков в Сибири получать землю и вести свое «мелкое хозяйство», что приводило к уменьшению числа наемных работников в сельском хозяйстве [26, с.266-267]. Приводимые же В. Г. Тюкавкиным цифры опровергают утверждение других исследователей о массовом разорении переселенцев, становившихся батраками у кулаков. Так, по данным В. Г. Тюкавкина, наибольший недостаток рабочих рук на рынке свободной рабочей силы в сибирской деревне отмечался как раз в тех губерниях, куда прибыло большинство переселенцев – Томской и Енисейской. Например, в Томской губернии в 1914 г. из 511 корреспондентов 73% отметили недостаток рабочей силы [26, с.280-281]. В других

ранних работах В. Г. Тюкавкин критиковал правительство за то, что оно «обманывало» переселенцев, обещая им льготы; отмечал разорение возвращавшихся из Сибири переселенцев, делал общий вывод, что «царский государственный аппарат не был способен организовать переселение» в таких широких размерах, которые могли бы влиять на аграрные отношения в центре страны [27, с.138-140].

Несмотря на явное стремление доказать «провал» Столыпинской реформы, во многих работах появляются факты, не соответствующие или даже противоречащие такому выводу. В результате в некоторых научных трудах можно заметить очевидное противоречие между фактами, излагаемыми по тексту, и общим выводом. Так, в академическом издании «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма», авторами были отмечены такие положительные изменения в сельском хозяйстве региона в начале XX в. как рост посевных площадей в Сибири, увеличение валовых сборов зерновых, стремительный рост производства товарного масла, увеличение поголовья крупного рогатого скота и лошадей, растущее применение в аграрном секторе современных сельскохозяйственных машин и орудий [28, с.195-197]. Вместе с тем, вывод о результатах Столыпинской переселенческой политики авторами был сделан вполне характерный для советской историографии: авторы констатировали сокращение прямых переселений в 1910-1911 гг. и рост обратных переселенцев в этот же период, отметили плохую организацию перевозок переселенцев, а также наличие неустроенных «неприписанных» переселенцев и «обреченную на неудачу» Столыпинскую политику насаждения хуторов и отрубов [28, с.232, 234-236]. В другом академическом издании «История Сибири» авторами объективно описывается процесс общего подъема сельского хозяйства Сибири в результате Столыпинских переселений, а затем делается вывод о крахе Столыпинской переселенческой политики [29].

В диссертации В. Г. Тюкавкина приводятся данные о подъеме сельского хозяйства Сибири в период Столыпинских переселений. Автор отметил такие положительные явления, как увеличение посевных площадей в регионе, рост валового сбора зерновых, увеличение применения сельскохозяйственных машин, рост торгового скотоводства. В результате «Сибирь превратилась в одну из крупных житниц страны» [30, с.26-29]. Вместе с тем автор не сделал, казалось бы напрашивающийся вывод об успехе Столыпинской переселенческой политики.

Л. М. Горюшкин прямо связал с переселениями и колонизацией рост посевных площадей в Сибири и увеличение поголовья скота. Согласно приведенным им данным, с 1901-1905 гг. по 1911-1915 гг. посевные площади и валовые сборы хлебов в Западной Сибири увеличились в 2 раза, при

этом темпы роста посевных площадей Сибири были в 5, а в Западной Сибири в 8 раз больше, чем в Европейской России. По количеству посева на 100 человек Западная Сибирь опережала большинство районов Европейской России. При этом Л. М. Горюшкин еще раз подчеркнул, что такой прирост показателей в начале XX в. «был обусловлен притоком переселенцев...» [31, с.11-13]. Этот же вывод о положительном влиянии аграрной колонизации на рост сельскохозяйственного производства, поголовье скота улучшение агротехники был повторен Л. М. Горюшкиным и в докторской диссертации [32, с.79]. Вместе с тем, в оценке результатов Столыпинской переселенческой политики Л. М. Горюшкин придерживался традиционных для того времени взглядов. Переселенческую политику правительства П. А. Столыпина он охарактеризовал как «антинародную». В качестве одного из обоснований этого термина Л. М. Горюшкин привел данные по количеству безземельных «непричисленных» переселенцев в Сибири, которых накануне Первой мировой войны насчитывалось в Сибири до 600 000. Поскольку, такие крестьяне чаще всего не имели своей земли, автор сделал вывод, что переселенческое движение сопровождалось ростом числа безземельных в Сибири. Апеллируя к трудам В. И. Ленина, Л. М. Горюшкин указал на рост числа возвращающихся из Сибири переселенцев, число которых в 1911 г. достигло 60%, что стало свидетельством обострения кризиса в России и в Сибири. Среди проявлений этого кризиса Л. М. Горюшкин назвал также «неудовлетворительный состав крестьянских наделов», так как в них ощущался недостаток леса, сенокосов и «большой процент неудобных земель» [33, с.278-283]. Этот же аргумент об отводе переселенцам «неудобных» земель был повторен Л. М. Горюшкиным и в другой монографии «Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.)». Работа без преувеличения может быть названа «капитальной», как по объему фактического материала, так и по глубине научного анализа. Вместе с тем, в оценке Столыпинских переселений автор вновь опирается на труды В. И. Ленина и приходит к тем же выводам о провале Столыпинской переселенческой политики. Набор аргументов типичен: в годы Столыпинской реформы аграрный кризис в России достиг высшей точки, что видно из падения численности прямых переселенцев в Сибирь и росте обратных из Сибири с 1909 г. Общий вывод – переселенческая политика самодержавия зашла в тупик [34, с.300, 307].

Нельзя не упомянуть монографию П. Н. Першина «Аграрная революция в России», в первом томе которой была затронута проблема землеустройства в период Столыпинской аграрной реформы. Значимым научным результатом этой работы, на наш взгляд, стала публикация автором данных по формам землевладения крестьян к 1917 г. Эти

данные свидетельствуют, что в некоторых районах страны единоличные хозяйства получили значительное распространение. Так, в районе торгового зернового хозяйства к 1917 г. 52,8% крестьянских дворов владели землей единолично, в районах торгового льноводства и молочного хозяйства процент единоличных дворов повышался уже до 60,4, а в западном районе животноводства и картофелеводства даже до 92,6%! Несмотря на эти данные, П. Н. Першин далее по тексту попытался доказать тезис о борьбе крестьян против землеустроительной политики правительства в период Столыпинских преобразований, что вело к явному противоречию. Хотя приведенные далее автором общие данные по числу крестьянских выступлений «на почве применения указа 9 ноября 1906 г.» слабо подтверждают утверждение о борьбе крестьян против столыпинского землеустройства. За 7 лет (1906-1913 гг.) Департамент полиции зарегистрировал лишь 224 выступления в губерниях Европейской России [35, с.99, 274-282]. Несмотря на отдельные примеры крестьянских выступлений против реализации столыпинских аграрных законов [36, с.251-252, 260], по оценкам некоторых исследователей, в аграрно-крестьянском движении после 1907 г. на 9-10 лет «наступает некоторое затишье» [37, с.150].

Из диссертаций, защищенных в 1970-е гг., можно выделить работу А. В. Минжуренко, посвященную крестьянским переселениям в Западную Сибирь. В диссертации автор оценивал правительственную политику исключительно с позиций марксистско-ленинской методологии и классового подхода. Если дореволюционные (буржуазные) исследователи отмечали влияние фактора времени на процесс становления переселенческих крестьянских хозяйств, то использование марксистско-ленинской методологии привело к отрицанию временного фактора. Например, А. В. Минжуренко выдвинул тезис, что «фактор времени терял свое значение в связи со значительным ухудшением водворения позднейших переселенцев, в связи с изменением состава переселявшихся крестьян в сторону увеличения в их массе бедноты» [16, с.13]. Получался парадокс: дореволюционные исследователи, статистики на основе многочисленных обследований переселенческих хозяйств доказывали вывод о том, что со временем «молодые» переселенческие хозяйства увеличивают посевные площади, количество скота, хозяйственных построек, доходность и т.п. Однако классовый подход к изучению Столыпинских переселений позволил «опровергнуть» этот, казалось бы, логичный, очевидный вывод. Так, А. В. Минжуренко сделал вывод, что «с течением времени все большая часть переселенческих дворов выбывала из числа участников хозяйственного роста». Далее автор выдвинул тезис о дифференциации крестьянства, что проявлялось в виде размыывания средней группы крестьян и увеличении

полюсных групп (бедняков и зажиточных). Автор также подверг критике Столыпинскую переселенческую политику, отметив наличие сотен тысяч неприписных новоселов, что было охарактеризовано как «один из наиболее ярких проявлений порочности политики царизма в переселенческом деле». Имелись в диссертации и определенные противоречия. Так, А. В. Минжуренко, характеризуя выдачу переселенцам ссуд, отметил «незначительность размеров», но при этом добавил, что ссуды чаще всего доставались обеспеченным переселенцам и «являлись орудием царизма в попытке создания собственной опоры в деревне Сибири – слоя зажиточных хозяйств» [16, с.9-10, 13-14]. Получалось, что правительство пыталось создать себе опору при помощи «незначительных» по размерам ссуд.

В целом, 1970-е – 1980-е гг. характеризуются выходом значительного числа работ по аграрной проблематике и во многих из них даются оценки Столыпинской аграрной реформы исключительно в отрицательном контексте. Так, в академическом капитальном труде И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова авторы констатировали провал Столыпинской аграрной реформы, так как «потерпел крах курс на ликвидацию общины». Для доказательства этого тезиса авторами были использованы данные статистики: в Европейской России к январю 1916 г. из общины вышло 2 478 тыс. домохозяев (22% общинных дворов). Далее И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова пишут, что в «большинстве случаев выход был осуществлен под сильным административным давлением», а в итоге «крестьянство не приняло преобразований и реформа провалилась» [38, с.378]. Данная оценка Столыпинской реформы является абсолютно типичной для советской историографии, имеет «стандартный» набор аргументов и содержит такие же типичные ошибки и противоречия. Так, одной из ошибок является отсутствие четких критериев при оценке количества вышедших из общины крестьян. Заметим, что разработчики аграрной реформы (П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин) никогда в своих речах или письменных работах не называли конкретные цифры, сколько, по их мнению, должно выйти крестьян из общины. Нет этих данных и в работе И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. Но если нет критериев оценки, то, на каком основании выход из общины 22% объявляется «провалом» и делается вывод, что «крестьянство не приняло преобразований»? Отсутствие таких оснований является уязвимым местом тезиса об общем «провале» реформы И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. Другое противоречие мы можем обнаружить в описании целей реформы и методов ее проведения. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова правильно обозначают одну из целей Столыпинской реформы как «насаждение» слоя «гроссбуаэров» (кулаков, зажиточных крестьян), который должен был стать социально-экономической опорой правительства. Но далее по

тексту неоднократно упоминают о «сильном административном давлении» и «сильнейшем нажиме, который был оказан на деревню в ходе проведения столыпинской аграрной реформы». Получалось, что правительство П. А. Столыпина пыталось создать себе опору посредством принуждения, нажима и административного давления. Как будто правительство рассчитывало, что вышедшие под «сильным административным давлением» со стороны государства крестьяне станут опорой этого же государства!

Следует заметить, что даже в 1950-х – 1970-х гг. в работах отдельных авторов появляются данные, которые прямо опровергают некоторые стереотипы в оценках результатов Столыпинской аграрной реформы. Так, в коллективной монографии «История земельных отношений и землеустройства», изданной в 1956 г., содержатся данные о том, что к 1917 г. примерно 28% общего числа крестьянских дворов перешли от общинного к подворному единоличному владению землей в дополнение к тем 23%, которые получили надел в подворное владение еще при реформе 1861 г. [39, с.95]. Простое сложение процентных показателей приводит нас к выводу, что к 1917 г. абсолютное большинство крестьян (51%) перешли на подворное землевладение, а это вполне можно расценивать как очевидный успех правительственной политики, направленной на разрушение общины.

Значимым, на наш взгляд, научным событием стала публикация И. А. Асалхановым в 1975 г. монографии «Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в.». Эта монография по объему использованных источников и глубине их анализа вполне может быть охарактеризована как фундаментальная. Автор доказал, что в Сибири образование хуторов и отрубов, проводившееся путем внутринадельного размежевания общин, началось по инициативе самого крестьянства и проводилось оно «не иначе, как с согласия самого размежевавшегося крестьянского населения» [40, с.83]. Монография богато иллюстрирована примерами, доказывающими эти утверждения. Не пытаюсь как-то дискутировать с другими исследователями, утверждавшими о принудительном характере внутринадельного размежевания под давлением царской администрации, И. А. Асалханов, тем не менее, явно показывает инициативу и заинтересованность крестьянства в этом процессе [40, с.84-90]. Опровергая миф о нажиме на крестьянство, автор доказывает, что размах внутринадельного размежевания в Сибири мог быть значительно больше, если бы правительство оказывало надлежащую финансовую и техническую помощь крестьянам. Приведенная И. А. Асалхановым статистика, поставила под сомнение выводы других историков, что крестьянство предпочло общинно-уравнительное, а не столыпинское землепользование, и что размежевание общин проводилось исключительно в интересах «кучки богачей». Так,

по данным И. А. Асалханова, из 4 310 селений Томской губернии за 8 лет ходатайства о внутринадельном размежевании поступили более чем от половины селений – 51,5%. Примечательно, что, по данным автора, размежевания общин продолжались и в годы Первой мировой, и даже в годы гражданской (1917-1919 гг.) войн [40, с.92-93, 96]. Несмотря на столь очевидную статистику, автор не сделал столь же очевидных выводов об успехе столыпинского землеустройства в Сибири. Несомненно, что не последнюю роль в этом сыграло давление партийной идеологии на историческую науку. Иные выводы, кроме политически ангажированных, в тот период времени были невозможны.

Нетрадиционный взгляд столыпинскую политику в отношении сибирской общины предложил Г. П. Жидков. Проигнорировав данные статистики о желании крестьян к разделу общинных земель, автор выдвинул спорный, на наш взгляд, тезис, что крестьянскую общину в Сибири и на кабинетских землях не коснулось столыпинское разверстание. Еще более сомнительным, представляется утверждение Г. П. Жидкова, что правительство имело замысел сохранить старожильческую общину как оплот консерватизма, находящийся в руках кулачества, как противовес бедняцкой массе переселенцев [41, с.239-240]. Заметим, что аналогичную точку зрения несколько ранее высказал известный алтайский историк А. А. Храмов, утверждавший что «в полицейских целях самодержавие сохраняло и насаждало крестьянскую общину, которую в Сибири столыпинские реформы почти совсем не заделали» [42, с.3-4].

Такой подход к оценке правительственной политики для отечественной историографии новым, шел вразрез с установившейся тогда схемой, согласно которой в отношении к общине правительство прошло два этапа. До начала XX в. государство поддерживало общину, видело в ней «оплот консерватизма» и преграду пролетаризации среди крестьянства. После подъема аграрного движения в начале XX в. и под давлением революции 1905-1907 гг. государство «напуганное движением крестьян» отказалось от поддержки общины, пересмотрело свои взгляды на аграрную политику и перешло к поддержке единоличных хозяйств. Например, именно в таком контексте понимал аграрную политику правительства Л. Ф. Скляров [43, с.25]. На наш взгляд, слабым местом подхода Г. П. Жидкова, является недостаточная доказанность тезиса: автор вообще не привел ни единой ссылки на архивы или литературу для обоснования утверждения о стремлении правительства сохранить старожильческую общину. В отношении оценки общих итогов Столыпинской переселенческой политики Г. П. Жидков был более традиционен и констатировал провал правительственного курса, обосновывая это спадом движения переселенцев в Сибирь после 1909 г. [41, с.199].

Из трудов, опубликованных в 1980-е гг. следует отметить работу С. М. Сидельникова. Автор справедливо обозначил негативные черты, свойственные великорусским передельным общинам, а также убедительно, на основе большого фактического материала показал разложение общинных отношений. Несомненную новизну работе С. М. Сидельникова добавили факты, шедшие вразрез с установившимися в историографии стереотипами. Так, на стр.131 в сноске 40 приведены данные, согласно которым укрепленные крестьянами в собственность в ходе Столыпинской аграрной реформы земельные излишки составили лишь 122 000 десятин за доплату 2 300 000 руб. Далее автор добавил, что многие крестьяне отказались от укрепления излишков, не имея средств для их оплаты [44, с.19, 29-39, 131]. Эти данные доказывали, что выходили из общины далеко не только зажиточные крестьяне, а сам процесс закрепления земли в собственность был далеко не «ограблением общины». Научную новизну имел вывод, что «индивидуализация надельного землевладения имела относительный успех в основном там, где капитализм... разрушил, подорвал феодальные формы крестьянского землепользования». Этот вывод автор подкрепил конкретными статистическими данными. Так, в Калужской губернии укрепили наделы в собственность 53% дворов, в Московской – 41,3%. В Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях к единоличному владению надельной землей перешло 56,2% дворов. В противоречие с этими данными входит последняя глава монографии С. М. Сидельникова, где автор попытался доказать, что крестьянство боролось против Столыпинской аграрной политики [44, с.179-181, 273-287].

Некоторые тезисы и выводы С. М. Сидельникова представляются нам более чем спорными. Так, автор написал, что переход по закону 14 июня 1910 г. к единоличному участковому владению в общинах, где не было общих переделов с момента наделения крестьян землей, был актом «насильственного разрушения общинной, семейной собственности» [41, с.144]. Сомнительность утверждения о «насилии» в данном случае следует из того, что переход к единоличному владению относился к общинам, где общинно-передельного аппарата не было, соответственно в таких общинах фактически имела место уже не общинная собственность, а подворная.

Из работ 1980-х гг. следует упомянуть монографию Г. А. Герасименко, в которой в целом были повторены основные стереотипы оценок Столыпинской аграрной реформы, характерные для советской историографии. Например, автор утверждал, что крестьянство активно боролось против Столыпинской модернизации деревни, и к указу 9 ноября 1906 г. о возможности выхода из общины отнеслось крайне негативно [45, с.27-29].

Была затронута тема Столыпинских аграрных

преобразований в коллективной монографии П. С. Кабытова, В. А. Козлова и Б. Г. Литвака. В этой работе с одной стороны процесс выхода крестьян из общины и создание единоличных хозяйств понималось в традиционном для советской историографии духе, с другой стороны авторами были приведены факты, позволившие отойти от некоторых стереотипов. Так, авторами приводятся конкретные примеры выхода крестьян из общины на хутора, где крестьяне обосновывают свое желание мотивами рационализации хозяйства. В результате образование единоличных хозяйств предстает как сугубо агрикультурное мероприятие («сведенные вместе полосы удобнее обрабатывать») [46, с.72-73].

Таким образом, на этапе 1920-х – 1940-х гг. в исторической литературе начала формироваться концепция «провала» и «полного краха» в оценке Столыпинских реформ. Обязательным становится использование трудов В. И. Ленина в качестве источников и марксистско-ленинской методологии. Такой методологический инструментарий и такая источниковая база неизбежно вели к заранее определенным выводам о провале Столыпинских реформ.

На этапе 50-80-х гг. произошло значительное расширение тематики исследований Столыпинских реформ, историки ввели в научный оборот огромный комплекс архивных источников, появились фундаментальные труды по истории крестьянства, были защищены кандидатские и докторские диссертации. Историческая наука в 50-80-е гг. встала на качественно иной уровень. В исследовании переселенческой политики были достигнуты большие успехи – авторами было отмечено

положительное влияние Столыпинских переселений на хозяйственное развитие Сибири. В то же время в отечественной исторической науке утвердился догматизм, стереотипы и негативная оценка Столыпинских реформ. Полностью сложилась концепция краха переселенческой политики правительства в 1906-1914 гг. В научной литературе сформировался негативный образ зажиточного крестьянина как «грабителя» общины и деревенской бедноты, антиподом кулаку стал образ находившихся в общине «трудовых» крестьянских хозяйств и бедняков, сопротивлявшихся Столыпинской аграрной реформе. Заданный еще в 20-40-е гг. вектор негативных оценок реформы П.А. Столыпина на этапе 50-80-х гг. утвердился окончательно. В ситуации господства полного идеологического единомыслия в отечественной историографии появление каких-то альтернативных оценок реформы было практически исключено.

Явное противоречие наблюдается и в вопросе оценки политики П. А. Столыпина в области формирования в России единоличных хозяйств. С одной стороны, историки 1950-х – 1980-х гг. характеризовали русскую передельную общину не иначе как «пережиток крепостничества», так как вынуждены были оперировать цитатами из трудов В. И. Ленина, который общину называл именно так. С другой стороны, когда описывалась политика правительства П. А. Столыпина по поддержке единоличных крестьянских хозяйств (хуторов и отрубов), общину авторы показывают в очевидно положительном аспекте как институт, противостоявший Столыпинской «антикрестьянской» политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красильников, С. А. «Репрессивный вектор» науки в восточных регионах страны / С. А. Красильников // *Личность в истории Сибири XVIII-XX вв. Сборник биографических очерков*. Новосибирск: ИД Сова, 2007 (электронный ресурс). URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/person/26.html> (дата обращения 25.04.2011)
2. Чиркин, Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века / Г. Ф. Чиркин // *Очерки по истории колонизации Севера и Сибири*. – Вып. II. – Пг.: 28-ая государственная типография, 1922. – С. 83-136.
3. Дубровский, С. М. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX в. – Л.: Прибой, 1925. – 302 с.
4. Баррандов, Г. В. Столыпинская реакция. – М.: Гос. изд. полит. лит.-ры. Ф-ка книги «Кр. пролетарий», 1938. – 64 с.
5. Ефремов, П. Н. Столыпинская аграрная политика. – М.: Госполитиздат, 1941. – 144 с.
6. Карпов, Н. И. Аграрная политика Столыпина. – Л.: Прибой, 1925. – 238 с.
7. Белянин, Д. Н. Оценка В. И. Лениным столыпинских переселений и ее влияние на отечественную историографию советского периода / Д. Н. Белянин // *Обращаясь к В. И. Ленину: сб. ст.* – Кемерово: КузГТУ, 2010. – С. 37-43.
8. Комаров, А. И. Правда о переселенческом деле. – СПб.: Типография Альтшулера, 1913. – 139 с.
9. Ковригин, И. К. По поводу книги «Правда о переселенческом деле» (А. И. Комарова). – Красноярск: Типо-лит. М. Я. Кохановской, 1913. – 101 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1972. – Т.9. – 527 с.
11. Шапкарин, А. В. Столыпинская аграрная реформа: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1954. – 48 с.

12. *Алферов, М. С.* Крестьянство Сибири в 1917 г. – Новосибирск, 1958. – 68 с.
13. *Антонова, С. И.* Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса. – М.: Изд.-во МГУ, 1951. – 277 с.
14. *Гребнев, А. М.* Аграрная реформа Столыпина в Пензенской губернии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1956. – 17 с.
15. *Есенина, З. П.* Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1954. – 15 с.
16. *Минжуренко, А. В.* Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1977 – 19 с.
17. *Соловьева, Е. И.* Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1956. – 17 с.
18. *Соловьева, Е. И.* Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы: Дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1956. – 288 с.
19. Более подробно см.: Белянин, Д. Н. Итоги внутринадельного размежевания в Западной Сибири в начале XX в. / Д. Н. Белянин // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. №.4/1 (68/1). – С. 38-47.
20. *Тюкавкин, В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М.: Памятники ист. мысли, 2001. – 302 с.
21. *Степанин, В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т., 1962. – 565 с.
22. *Дубровский, С. М.* Столыпинская земельная реформа. – М.: Изд.-во АН СССР, 1963. – 599 с.
23. *Дубровский, С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М.: Наука, 1975. – 398 с.
24. *Анфимов, А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. – М.: Соцэргиз, 1962. – 383 с.
25. *Скляр, Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – 588 с.
26. *Тюкавкин, В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. – 471 с.
27. *Тюкавкин, В. Г.* Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906-1910 гг. / В. Г. Тюкавкин // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. – Благовещенск: Изд. Министерства просвещения РСФСР, 1958. – Вып. XVI. – С. 105-140.
28. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / А. П. Окладников [и др.]. – Новосибирск: Наука СО, 1983. – 400 с.
29. История Сибири. – Л.: 1968. – Т.3. – 530 с.
30. *Тюкавкин, В. Г.* Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Москва, 1966. – 42 с.
31. *Горюшкин, Л. М.* Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1964. – 25 с.
32. *Горюшкин, Л. М.* Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 84 с.
33. *Горюшкин, Л. М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. – Новосибирск: Наука СО, 1967. – 411 с.
34. *Горюшкин, Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). – Новосибирск: Наука СО, 1976. – 342 с.
35. *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Книга 1. (От реформы к революции). – М.: Наука, 1966. – 490 с.
36. *Сидельников С. М.* Аграрная реформа Столыпина. – М.: Изд.-во МГУ, 1973. – 335 с.
37. *Малахинов П. И.* О двух типах аграрной эволюции в России. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. – 440 с.
38. *Ковальченко, И. Д.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начало XX в. / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – М.: Наука, 1974. – 412 с.
39. История земельных отношений и землеустройства / под ред. Н. В. Бочкова. – М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1956. – 248 с.
40. *Асалханов, И. А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука СО, 1975. – 266 с.
41. *Жидков, Г. П.* Кабинетское землевладение (1747-1917). – Новосибирск: Наука, 1973. – 264 с.
42. *Храмков, А. А.* Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917г. (по материалам Томской губернии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1956. – 13 с.
43. *Скляр, Л. Ф.* Столыпинское землеустройство в Сибири / Л. Ф. Скляр // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. – 1958. – №.4. – С. 24-37.

44. Сидельников, С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. – М.: МГУ, 1980. – 287 с.
45. Герасименко, Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1985. – 342 с.
46. Кабытов, П. С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. Л. Козлов, Б. Г. Литвак. – М.: Мысль, 1988. – 237 с.

□ Автор статьи:

Белянин
Дмитрий Николаевич,
канд. ист. наук, доцент каф. отече-
ственной истории, теории и истории
культуры. КузГТУ.
Тел. (83842) 39-69-04., 35-32-81

УДК 008

А.М. Белюков

ПРОСТРАНСТВО В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 50–80-Х ГОДОВ

Каждая культура в период становления начинает формировать свою пространственную структуру. Эта структура очень ярко отражает характер культуры. Она показывает, какие в данной культуре представления о мироустройстве, каковы ее ценности, идеалы и кумиры, к каким целям она стремится, как добивается достижения этих целей и т. д. По мере развития культуры ее пространственная структура меняется. Исследуя эти изменения, можно выявить общее состояние культуры, тенденции и перспективы ее развития, способы и интенсивность взаимодействия с другими культурами.

Коренная перестройка российского пространства произошла после Октябрьской революции 1917 года. Рождалась новая советская культура, и она перекраивала пространство в соответствии со своими целями и задачами. Были уничтожены почти все старые сакральные точки, существовавшие веками. Новые сакральные объекты были связаны с жизнью большевистских вождей – Ленина и Сталина, с историей революционного движения в стране, с гражданской войной и с индустриализацией страны [1]. Во второй половине 50-х – в начале 80-х годов, столь коренных изменений в пространственной структуре не произошло. Это свидетельствует о преемственности советской культуры в сталинскую, хрущевскую, а за тем и брежневскую эпоху.

Однако в 50–80-е годы советская культура не стояла на месте. Она изменялась в определенном направлении, в соответствии с новыми политическими, экономическими и идеологическими условиями. Это нашло свое отражение в пространственной структуре.

Одним из крупных пространственных изменений в 50–80-е годы стало присоединение Крыма к Украине. Это произошло в 1954 году по инициативе Хрущева, после шести месяцев его пребыва-

ния на посту Генерального секретаря ЦК КПСС [2]. Такое пространственное изменение очень много говорило о характере советской культуры. В этой культуре стоящий у власти руководитель мог принимать непродуманные, недальновидные, волюнтаристские решения и воплощать их в жизнь, не встречая сопротивления политической элиты и народных масс. Руководитель тоталитарной большевистской партии более или менее быстро скатывался к культу. Его решения, пока он стоял во главе партии, всегда считались правильными. Критиковать его можно было только после свержения. Это решение Хрущева не вызвало серьезных возражений еще и потому, что Советская культура была уверена в своем будущем. Существование СССР казалось вечным и неизбывным. Границы внутри страны были условными. Эта перестройка советского пространства почти не отразилась на экономике, политике и на социальной жизни в 50–80-е годы. Распад СССР коренным образом изменил ситуацию. Сейчас стало очевидным, что самыми серьезными пространственными потерями для России в Новое и Новейшее время были потеря Аляски и Крыма.

В 50–80-е годы главные сакральные точки пространства, созданные советской культурой в предшествующий период, в основном сохранились. Объектом поклонения оставался мавзолей В. И. Ленина и так называемые «ленинские места»: дом Ленина в Ульяновске, изба в Шушенском, шалаш в Разливе, кабинет в Смольном и др. Это свидетельствовало о том, что характер советской культуры по своей сути не изменился, что она по-прежнему руководствовалась ленинскими идеями и обожествляла своего «вечно живого» вождя. Культ Ленина поддерживался советской культурой во все советские времена, вплоть до середины 80-х годов.

Сакральные точки, связанные со Сталиным, в